

Гиви Шалвович Кизурадзе

ПРОБУЖДЕНИЕ АРМИИ

Французский ежегодник 1984

М.: Наука. 1986. С.125-138

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Признаки недовольства появились во французской армии еще до начала революции. 1788 год, отмеченный «парламентским кризисом» и общенародными антиправительственными выступлениями, ознаменовался и многочисленными фактами прямого неподчинения войск. В сложившейся тогда ситуации армию, основанную на строжайшей субординации и связанную воинской присягой, власти стремились противопоставить народу. Но в большинстве случаев она относилась к народу сочувственно. Так, 7 июля 1788 г., когда для подавления волнений были направлены части Австразийского и Королевского морского полков, они отказались стрелять в народ, хотя из толпы в них кидали камни, кирпичи и черепицу. То же самое произошло в Беарне, Бретани, Дофине. К примеру, находившиеся в Бретани солдаты и некоторые офицеры Пентьеврского полка не стали участвовать в репрессиях. На сторону народа перешел Реннский гарнизон, и командование было вынуждено вывести его из города. В Безансоне армия отказалась выполнять полицейские функции и арестовать членов местного парламента. Один из офицеров, дворянин Лаужерон, даже заявил, что армия предназначена для борьбы против врагов государства, а не против его граждан.

Хотя армия и не принимала прямого участия в выборах в Генеральные штаты, в 1789 г. она играла не последнюю роль в политическом возбуждении, возникшем в связи с ними. Поэтому значительный интерес представляет хранящаяся в СССР переписка французского гражданина Демишеля с известным ученым и якобинцем Жильбером Роммом¹. Из писем явствует, что в Ренне в период выборов происходили стычки между дворянами и буржуа. Эти события вызвали повсеместное беспокойство третьего сословия. В защиту ренских граждан из Нанта выступили 350 молодых людей. Для них было собрано около 6 тыс. ливров. Другие города Бретани также были готовы помочь третьему сословию Ренна. В это время к городу были двинуты расположенные неподалеку войска во главе с графом де Тиаром, но они повернули назад, не дойдя до Ренна. По мнению Демишеля, командир не решился нарушить изданный ранее приказ об удалении войск на 8 миль от мест, где происходили выборы. По нашему мнению, решение генерала могло быть вызвано и настроением в армии, которое было ему в достаточной мере известно². Не случайно чуть позже в связи с вынужденной отставкой Неккера тот же гарнизон выразил протест, заявив, что будет сотрудничать с третьим сословием и не станет использовать оружие против собственного народа. Если бы части де Тиара вступили в Ренн, они, несомненно, сделали бы то же самое.

* Настоящая статья — фрагмент первой части докторской диссертации Г. Ш. Кизурадзе «Французская армия на первом этапе Великой революции (1789—1792)», защищенной в 1967 г. и опубликованной посмертно в качестве монографии (Тбилиси, 1982, на груз. яз.). Эта первая в советской историографии попытка анализа социально-политических проблем, связанных с французской армией 1789—1794 гг. Не было подобной работы и во французской историографии. В частности, исследование Ж.-П. Берто на сходную тему было защищено в качестве докторской диссертации лишь в 1978 г., т. е. 11 лет спустя. См.: *Bertaud J.-P. La Révolution armée: Les soldats-citoyens et la Révolution française*. P., 1979. Печатается с сокращениями. Перевод и публикация К. Г. Бочоришвили — *Ред.*

¹ Выборы в Париже в Генеральные штаты в 1789 г. (из писем современника). — Красный архив, 1939, № 3(94), с. 154—188.

² Там же, с. 162—163.

События в Ренне не были единичными: по всей стране третье сословие вооружалось в целях защиты от дворянства. Войска были выведены и из Парижа. «Что касается войск,— писал Демишель из Парижа,— я слышал только о лейб-гвардии, которую перевели в Сен-Жермен. Но почему это сделали?»³

Значительный интерес вызывает письмо Демишеля, датированное 23 апреля 1789 г., в нем описаны следующие события: командирующему войсками Бретани графу де Тиару стало известно, что для участия в выборах дворяне направляются к городу Сен-Брие вместе с многочисленным эскортом из слуг. Он приказал стражникам, охранявшим городские ворота, пропустить только дворян, а слуг задержать. Генерал, вероятно, хотел предупредить возникновение беспорядков в городе, так как дворяне часто использовали своих слуг именно для этого. У городских ворот разыгралась комическая сцена: дворяне спешно переодевались в одежду буржуа, наряжая так же и своих лакеев. В таком виде они рассчитывали проникнуть в город. Но дворянам не удалось перехитрить солдат⁴.

Летом 1789 г. братание войск с народом принимает особенно широкие масштабы. Еще в мае происходили волнения в Марселе и Тулоне, что стало предметом специальной дискуссии в Генеральных штатах. В г. Бетюне войска отказались использовать оружие против народа, недовольство которого было вызвано продовольственным кризисом. Волнения начались как обыкновенный «мучной» (хлебный) бунт, какие часто случались при «старом порядке». Однако после отказа солдат обратить против народа оружие началось массовое братание народа с армией. Граждане приглашали солдат домой и угощали их. Население города собрало для солдат некоторую сумму денег.

Знаменательно, что революционным настроениям поддались многие иностранные солдаты, преимущественно из полка швейцарской гвардии. В июле объявил о своей солидарности с народом швейцарский полк в Шатоввё, который с тех пор стал пользоваться большой симпатией у французов. С августа 1789 г. переход армии на сторону революции принимает массовый характер. Так, например, два кавалерийских полка — Королевский хорватский (кroatский) и Королевский бургундский — послали в Учредительное собрание делегатов и заявили о сочувствии новым властям.

С самого начала волнений в армии возникали и постепенно принимали все более широкий характер столкновения солдат с реакционными офицерами. Солдаты не подчинялись офицерам из дворян. Примечательно, что сразу же после «муниципальной революции» солдаты в целях разрешения того или иного вопроса стали обращаться к местным муниципалитетам, братались с национальной гвардией и т. д. Реакционно настроенные офицеры не могли примириться с этим, что и служило часто причиной столкновений. Так, граждане г. Ландау предложили командиру Нейстрийского пехотного полка носить трехцветную кокарду. Он отказался. Это вызвало недовольство и ропот солдат; по приказу командира полка один из зачинщиков был арестован. Солдаты и граждане города освободили арестанта, командир был вынужден с этим смириться. В Марсель с поручением военного ведомства проверить местные укрепления приехал генерал Миран, который приказал солдатам «подчиняться прежней дисциплине и беспрекословно выполнять все приказания старших по званию». На этой почве возникло недовольство солдат. В том же Марселе в марте 1790 г. офицер королевского флота маркиз д'Амбер оскорбил национального гвардейца, вследствие чего возникли острые трения между национальной гвардией и кадровыми офицерами. В связи с этим делегация солдат явилась в муниципалитет и заявила о своей солидарности с национальными гвардейцами, а также «заверила муниципалитет в своем патриотизме»⁵.

³ Там же, с. 169.

⁴ Там же, с. 173

⁵ Reinhard M. Observations sur le rôle révolutionnaire de l'armée dans la Révolution

В апреле 1790 г в гарнизоне Лилля офицеры контрреволюционеры начали яростную роялистскую агитацию «Наш король в плену у парижан, пойдемте его выручать», — звали они солдат Часть солдат поддержала их на начальном этапе революции многие солдаты находились еще в плену кастовых предрассудков и легко поддавались на провокации офицеров Произошло столкновение между революционно настроенными солдатами и реакционными офицерами Вот что писал об этих событиях И М Симолин⁶ расположенные в Лилле четыре полка разделились на две части, одна поддерживала революционные преобразования и действовала совместно с местным муниципалитетом и национальной гвардией, другая поддалась агитации офицеров контрреволюционеров и проявила приверженность к «старому порядку» Взаимоотношения между ними усложнились Во время одного из конфликтов роялистски настроенный пьяный офицер убил солдата-патриота Остальные солдаты, возмущенные этим, арестовали в качестве заложника коменданта города генерала маркиза де Ливаро⁷ Как главу офицерского корпуса его обвинили в контрреволюционной агитации и сочли главным виновником происшедшего От солдатского гнева его спасло только то, что Национальное собрание вызвало его для отчета в Париж Волнения в Лилльском гарнизоне закончились тем, что по приказу Национального собрания все четыре полка были выведены из города и размещены в разных местах⁸

Любопытные факты о революционной борьбе Лилльского гарнизона приводит в своей книге «Великий Карно» Марсель Рейнар Он пишет, что солдаты одного из полков гарнизона пресекли попытку офицеров-контрреволюционеров похитить штандарт полка, он же рассказывает, что во время политического конфликта гарнизон действовал солидарно с национальными гвардейцами⁹

Примерно в то же время происходили волнения солдат в Ниме Здесь была создана контрреволюционная организация Общество граждан-католиков города Нима Ее члены вели себя вызывающе, публично носили белую кокарду Солдаты, не желавшие мириться с создавшимся положением, выступили вместе с местными патриотами против контрреволюционных элементов Местный муниципалитет специальным постановлением запретил носить белую кокарду Дело дошло до кровопролития

Комендант Валансьенской крепости, узнав о намерении граждан установить контроль над крепостью, решил воспрепятствовать этому и принял необходимые меры предосторожности Но солдаты не подчинились его приказу и перешли на сторону восставших граждан Совместно с ними они освободили солдата, арестованного за то, что он отказался стрелять в народ Во время стычки комендант был убит, а три офицера арестованы

Солдаты пехотного полка Бовуази также изгнали своих офицеров, во время стычки были раненые и убитые Пехотный полк Пуату арестовал своего командира Солдаты семи полков, расположенных в Страсбурге, создали общую организацию В апреле 1790 г волнения начались в Королевском шампанском кавалерийском полку, расположенном в крепости Эден Волнения в полку возглавил офицер инженерных войск Варле Они начались после того, как солдаты отказались принять некоего офицера Одиля, назначенного в полк приказом королевского военного министерства Полк изгнал из своих рядов роялистски настроенных офицеров, захва-

française — Annales historiques de la Revolution française, 1962, avr — juin, N 168, p 173, см также Рейнар М О революционной роли армии в период Французской революции 1789 г — В кн Французский ежегодник 1961 М, 1962 с 437

⁶ Симолин Иван Матвеевич (1720—1799) — русский дипломат с 1785 по 1792 г по сол во Франции Часть его донесений из Парижа за 1789—1792 гг опубликована в кн Литературное наследство М, 1937 Т 29/30 — Примеч переводчика

⁷ Об аресте начальника гарнизона г Лилля упоминает в мемуарах и В Эстергази — венгерский аристократ на французской военной службе См Из воспоминаний графа Валештина Эстергази — Русская старина 1906, т 128, с 630

⁸ См Литературное наследство т 29/30, с 428 (прил к донесению Симолина от 16 апреля 1790 г)

⁹ Reinhard M Le Grand Carnot Т 1—2 Р 1950—1952, t 1, p 171

тил полковую кассу и установил над ней контроль. Особенно активен был молодой лейтенант Даву (впоследствии один из маршалов Наполеона). Он яростно выступил против «волчьих билетов». Эту своеобразную меру наказания армейское командование применяло в отношении «непокорных» солдат. Для солдат, имевших «волчий билет», фактически были закрыты все каналы военной и гражданской карьеры. Полк избрал командиром Даву, а функции изгнанных офицеров были переданы выборным командирам¹⁰.

Серьезные волнения происходили в Бресте, где солдаты требовали от офицеров вернуть им незаконно присвоенные при раздаче жалованья деньги. Капрал, возглавивший недовольных, был арестован, но затем освобожден солдатами, арестовавшими, в свою очередь, большую часть офицеров. Командование было вынуждено пойти на уступки: солдатам были розданы полагающиеся им 102 тыс. ливров.

Гусарский полк, расположенный в Кольмаре, захватил полковую кассу и установил над ней контроль. Нечто подобное произошло и в Меце, где солдаты потребовали покрыть старую задолженность в их жалованьи. Командир полка маркиз де Буйе попытался успокоить их и даже пригрозил репрессиями в случае неповиновения¹¹, но едва не полатился за это головой. Для защиты де Буйе офицерам удалось привлечь около 60 солдат, но они вскоре перешли на сторону недовольных. Спасая де Буйе, офицеры вынуждены были удовлетворить требования солдат и выплатить им 22 тыс. ливров.

В борьбе французского народа с роялистами, и вообще с контрреволюционными элементами, армия, как правило, стояла на стороне народа. Когда в 1790 г. роялистски настроенные элементы в Ниме подготовили мятеж и направили свой главный удар на местный филиал Общества друзей конституции, гарнизон города, приняв сторону народа, выступил с лозунгом «Да здравствует нация!». Поддержка армии определила успех местных патриотов.

Революционные выступления охватили и Прованс. «Маркиз де Миран, командующий войсками в Провансе, — писал Симолин, — удалившийся в Тараскон, вынужден был оттуда бежать, чтобы спасти свою жизнь. Полк лотарингских драгун, который нес там гарнизонную службу, выступил с оружием, знаменами и музыкой и присоединился к Национальной милиции в Марселе»¹².

Солдатские волнения происходили в городах северной Франции. Так, например, в Дуэ местный гарнизон восстал против маршала, барона Франсуа де Тотта; ему грозило повешение. Барон бежал в Швейцарию, а впоследствии в Венгрию (по происхождению он был венгром). Симолин писал: «Барон де Тотт, наместник короля в Дуэ, раньше служивший в Турции, должен был также скрыться, чтобы не стать жертвой разнузданной черни»¹³.

Недовольство в Валансьенском гарнизоне возникло еще летом 1789 г. в связи с принятием 10 августа новой присяги. В последующие месяцы волнения усилились, происходило массовое братание солдат и граждан. Организовывались совместные трапезы, которые солдаты называли «благодарением народа». Солдаты, как и граждане, украшали себя трехцветными кокардами. «По улицам бегали пьяные солдаты, крича, что меня следует повесить, что народу не нужны коменданты... — писал начальник гарнизона граф Эстергази. — Не подлежало сомнению, что военный министр, как человек слабый (Эстергази считал, что военный министр Латур дю Пен

¹⁰ Archives parlementaires, t. 17, p. 642—650; см. также: Буковецкая М. Развал королевской армии в первые годы Великой французской революции. — Анналы, 1924. т. 4, с. 107—108; Reinhard M. Le Grand Carnot, t. 1, p. 171.

¹¹ Discours de M. le marquis de Bouillé, prononcé à la tête des grenadiers de la garnison de Metz, le lundi 19 avril 1790. S. l., 1790.

¹² Литературное наследство, т. 29/30, с. 431 (прил. к донесению Симолина от 24 мая 1790 г.).

¹³ Там же.

подпал под влияние „крайних демократов“.— Г. К.), не одобрил бы строгих мер и что это было бы поставлено мне в вину»¹⁴. Эстергази уверял, что «пьяные солдаты» устраивали погромы в городе и соседних деревнях и муниципальные власти попросили его установить порядок. «Революционеры, видимо, испугались последствий своего поведения, вели себя в тот день благообразнее, все вошло в обычную колею; король приказал выявить цифру убытков, которая была определена в 45 тыс. ливров; он обещал возместить их за счет казны»¹⁵. Эстергази арестовал многих солдат. На него была подана жалоба в Национальное собрание, в которой его обвиняли в том, что он арестовывает патриотов и верных конституции граждан. В собрании мнения разделились: часть депутатов требовала его строгого наказания, а другая — предлагала выслушать его отчет и передать дело в суд. У Эстергази оказалось много покровителей в Учредительном собрании и при королевском дворе, в том числе и такой, как депутат д'Арси. Он спасся от заслуженного наказания, заверив собрание, что аресты в Валансьене были проведены не по его личному приказу, а с санкции местных властей и суда. Волнения произошли также в 27 лье от Валансьена, в маленьком городке Мариенбурге¹⁶.

Крупное выступление солдат произошло в Бетюнском пехотном полку, расположенном в Виваре. Причиной недовольства стало прибытие в полк нового командира шевалье де Майе. Он был горячим сторонником прусской дисциплины, отличался жестоким обращением с солдатами. Прибытие в полк де Майе привело в негодование не только солдат, но и часть оппозиционно настроенных офицеров. Недовольные солдаты и офицеры решили обратиться с жалобой к представителям народа. Де Майе расценил это как дезертирство и преступление. Тогда полк обратился с жалобой к королю¹⁷. Это обращение примечательно тем, что в нем были выдвинуты требования общеправового и гражданского характера. В нем, например, говорилось: «И простые солдаты его величества обладают честью, которая нуждается в защите... Честь и уважение должны существовать не только для начальства, как кресты и ленты». И далее: «Граждане являются свободными, а те, кто вас защищает, все еще остаются рабами». Солдаты зывали к справедливости и ставили вопрос ребром: «Добьемся ли мы суда? Мы требуем судей, которые были бы гражданами, а не нашими палачами»¹⁸. Этот документ интересен и тем, что в нем обобщены революционные требования солдат. В работе М. Рейнара этот инцидент упомянут вскользь: он отмечает, что к недовольным не прислушались и полк был наказан¹⁹.

Среди волнений в армии в 1790 г. обращает на себя внимание недовольство солдат виконтом Мирабо. Мирабо-младший, брат великого Мирабо, был крайним монархистом и реакционером. Он был избран депутатом Генеральных штатов от дворянства, тогда как Мирабо-старший представлял, как известно, третье сословие. Виконт Мирабо командовал Туренским пехотным полком, расположенным в Перпиньяне, и в солдатской среде был известен жестокостью и самоуправством. Не случайно то, что позднее он бежал за границу и стал одним из самых активных деятелей роялистской эмиграции.

В апреле 1790 г. Мирабо-младший явился в свой полк с целью вовлечь солдат и офицеров в контрреволюционную деятельность. Между тем среди них оказалось много сторонников революционных преобразований. Мирабо прибыл в Перпиньян в то время, когда солдаты полка устроили братание с местным населением и национальной гвардией. Виконт Мирабо с помощью Казалеса, одного из лидеров крайне правого крыла Национального собрания, пытался договориться с солдатами, даже обещал

¹⁴ Из воспоминаний графа Валентина Эстергази, с 627

¹⁵ Там же, с 628

¹⁶ Там же, с 628—629

¹⁷ *Mémoire présenté au Roi, le 4 février 1790, pour le régiment de Vivarais* P, 1790.

¹⁸ *Ibid*, p 12—13, 19

¹⁹ *Reinhard M Le Grand Carnot, t 1, p. 171* (Рейнар не имел текста жалобы — Г. К.).

взятку — 1 тыс. экю, но полк не принял его предложение, и начались беспорядки. Обстановка особенно накалилась, когда Мирабо попытался похитить полковые регалии. При посредстве местного муниципалитета солдаты послали жалобу Национальному собранию. В письме была представлена полная картина преступных действий Мирабо²⁰. Несмотря на то что они ни у кого не вызывали сомнения, Национальное собрание защитило его; именно к Мирабо был впервые применен декрет о неприкосновенности депутатов²¹. Отметим характерную деталь. Для восстановления порядка в Перпиньяне Национальное собрание направило туда части парижской национальной гвардии. Группа реакционных офицеров, сторонников Мирабо, передала парижским национальным гвардейцам письмо с благодарностью за проявленную храбрость в деле спасения Мирабо и Казалеса²². Этот факт демонстрирует двойственность позиции буржуазной национальной гвардии — защитника как Национального собрания, так и его явных врагов.

Говоря о солдатских волнениях, происшедших в 1790 г., нельзя не отметить, что наиболее крупным и принципиально важным из них было восстание в Нанси. Оно заслуживает специального рассмотрения, и потому здесь мы о нем только упоминаем²³.

Солдатские волнения продолжались и в 1791 г. Особенно широкий размах они приняли в связи с принятием в том же году присяги и бегством короля. Если в 1789 и 1790 гг. «бунты» были направлены только против офицеров и сохранялась еще вера в «доброю короля», то в 1791 г. в солдатских волнениях проявляются сильные антимонархические тенденции. Восстания этого года свидетельствуют и о росте политического самосознания солдат; ширятся протесты в адрес Национального собрания, так и не решившего проблему армии. После того как была принята конституция и крупная буржуазия сочла революцию оконченной, Национальное собрание стало рассматривать солдатские выступления как измену конституции и отечеству и с недовольными расправлялось, как в Нанси. Недовольство в армии собрание пыталось ликвидировать с помощью самой же армии, т. е. используя одни части против других. Оно осуществило ряд мер, которые носили характер репрессий против армии.

10 апреля 1791 г. восемь солдат Бовэзского пехотного полка, стоявшего в Виссембурге без ведома своих офицеров, присутствовали на заседании местного якобинского клуба. Офицеры арестовали солдат и поместили их в карцер. Началось восстание, перестрелка между офицерами и солдатами продолжалась около четырех часов, несколько человек было ранено. Солдаты требовали ареста тех 19 офицеров, которые первыми обнажили сабли против солдат. Местные патриоты и якобинский клуб были на стороне последних. Необходимо отметить одну деталь: виссембургские якобинцы составили письмо в защиту солдат, в котором сказано, что солдаты везде и повсюду являются патриотами и что интересы патриотизма (т. е. революции. — Г. К.) они выдвигают на первый план и ставят их выше личных, офицеры названы в письме аристократами — чуждыми револю-

²⁰ *Lettres des officiers municipaux de la ville de Perpignan à l'Assemblée nationale*. P., [1790]

²¹ Булатов С Военно-морское уголовное уложение Конституанты — Учен зап Все-союз пн-та юрид наук, 1940, вып. 1, с 272

²² *Copie de la lettre des Grenadiers du régiment de Touraine au détachement de la garde national Parisienne, qui a secouru M le Vicomte de Mirabeau, leur Colonel, le 13 avril 1790* [P., 1790]

²³ Волнения в Нанси возникли в начале августа 1790 г и продолжались до конца месяца. Непосредственным поводом для выступления послужила огромная задолженность в выплате солдатского жалованья. Застрельщиками движения были солдаты известного своими революционными настроениями швейцарского полка Шатовье, поддержанные двумя другими полками, входившими в состав гарнизона, а также городским муниципалитетом. В ходе выступления выдвигались и политические требования. В конечном счете волнения были жестоко подавлены войсками маркиза де Буйе, причем погибло множество не только солдат, но и жителей города. События в Нанси автор настоящей статьи посвятил специальный раздел своей монографии — *Примеч переводчика*

ции людьми « Помощь патриотам еще более возвысит нас! » — писали якобинцы ²⁴.

В переписке Максимилиана Робеспьера есть сведения о малоизвестном волнении Босского пехотного полка. Этот полк был расположен в г. Арра-се, родине Робеспьера. В августе 1791 г офицеры заперли солдат в городской цитадели и стали готовить над ними расправу. Местные патриоты организовали спасение солдат, а один из них, якобинец Гюффра, составил петицию в Национальное собрание и переслал ее Робеспьеру с просьбой доставить ее по назначению. Гюффра сообщал, что офицеры готовят такое же кровопролитие, как в Нанси, и что они уже послали своего человека к министру и хотят погубить солдат, они готовят провокацию с целью обвинить солдат в контрреволюционной деятельности. Чтобы воспрепятствовать провокации, солдаты по совету Гюффра добровольно сдали оружие полковнику. Гюффра просил Робеспьера и Петiona ускорить судебное расследование дела, чтобы правдивость солдат стала для всех очевидна ²⁵.

Невиновность солдат обычно бывала настолько явной, что лица, которых Национальное собрание посылало в недовольные полки, решали дела на местах, и как правило, в пользу солдат. Так, например, во время восстания солдат в Сен-Жан-Пье-де-Пор (Нижние Пиренеи) представители собрания уволили трех офицеров, а графа Жаста, который проявил в отношении восставших солдат особенную жестокость, казнили. Представители собрания указывали, что «солдат восстает там, где офицер не патриот». Они также заявили: «хороша только та субординация, которая основана на доверии» ²⁶.

Наконец, еще один малоизвестный факт — беспорядки, устроенные офицерами королевского Льежского пехотного и Лозенского гусарского полков, расположенных в Бельфоре. Сведения об этих беспорядках приведены в отчете депутата Национального собрания Мюге, которому было поручено расследование причин восстания. 21 октября 1791 г. офицеры королевского Льежского полка пригласили на обед офицеров полка Лозена. В середине пиршества один из хозяев, майор Гранстен, обратился к присутствующим с контрреволюционным призывом: «Нужно растряссти буржуа!». Хмельные офицеры вышли на улицу с криками: «Да здравствует король! Да здравствует веселье!». Офицерский кортеж подошел к дому командира полка де ля Тура, и полковник присоединился к нему «Шествие приняло явно антиконституционный характер, — замечает Мюге, — манифестация стала еще более бурной, слышались призывы: „Да здравствуют аристократы, к черту нацию, к черту Национальное собрание!“» ²⁷. Офицеры размахивали саблями, а из белых платков сделали импровизированные белые кокарды. Они продолжали громко бранить буржуазию, национальную гвардию и Национальное собрание. Так они обошли улицы города, предлагая солдатам поддержать их. Наконец они явились в казармы и попытались более активно привлечь солдат на свою сторону. Часть солдат тоже была пьяна (их напоили офицеры), командиры обнимались с ними; тем же, кто не разделял «дружеских чувств» к офицерам, угрожали расправой. В результате отдельные пьяные солдаты тоже стали выкрикивать контрреволюционные лозунги: «Да здравствует король! Долой нацию!». Граждане призывали на помощь национальную гвардию. Один из сержантов, одновременно числившийся в национальной гвардии, призывал солдат не поддаваться на провокацию. Отряд офицеров направился из казарм к Ратуше, сорвал двери и стал угрожать расправой чиновникам муниципалитета. Некоторые офицеры, перепуганные создавшейся обстановкой, пытались успокоить зарвавшихся коллег ²⁸.

²⁴ Lettres de M C*** A D*** membre du club des Jacobins [P, 1781].

²⁵ Переписка Робеспьера/Собрал Ж Мишон Л, 1929, с. 110—112

²⁶ Reinhard M Le Grand Carnot, t 2, p 14

²⁷ Rapport fait à l'Assemblée nationale, dans la séance du samedi, 30 octobre au nom des comités militaires et des rapports sur les événements arrivés le 21 octobre (1791) a Belfoit/Pai Muguet dit Vanthou député de Haute-Saône Imprime par ordre de l'Assemblée nationale P, 1791, p. 2

²⁸ Ibid, p 3—4

Офицерские беспорядки удалось вовремя пресечь. Солдаты, национальная гвардия и муниципальное управление оказались на должной высоте — часть офицеров-бунтовщиков была арестована и посажена в тюрьму, полки были выведены из города; муниципалитет составил детальный отчет о происшедшем и переслал его военному министру. В ответ министерство командировало двух комиссаров на место происшествия.

Дело в Бельфоре имело широкий резонанс, оно было настолько серьезным, что в него вмешались король, военный министр, Национальное собрание и военный комитет²⁹. Собрание решило тщательно рассматривать происшествие, описанное в докладе депутата Мюге. Докладчик справедливо расценил выступления как направленные против нации, конституции и граждан, а также раскритиковал позицию военного министерства, указав, что оно не проявило должной строгости и слепо принимало на веру заявления офицеров.

Позиция собрания была двойственной: с одной стороны, его пугали контрреволюционные замыслы офицеров, а с другой — неподчинение солдат и их своевольные действия. Решение, принятое собранием, было яркой демонстрацией этой двойственности. Согласно постановлению собрания офицерский состав Бельфорского гарнизона был признан виновным и некоторые из офицеров были арестованы. Вместе с тем собрание просило короля как верховного главнокомандующего расформировать Бельфорский гарнизон и разместить его в разных районах Франции. Таким образом, собрание обращалось к такой же практике усмирения армии, к которой прибегал в аналогичных случаях «старый порядок»: воишские части переводили из одного места в другое, не допуская их сближения с народом³⁰.

В декабре 1791 г. в г. Эксе контрреволюционеры, которые имели там собственный клуб «Друзей порядка и мира», попытались разгромить местный филиал якобинского клуба. Офицеры решили вывести солдат на улицу, чтобы поддержать роялистов, но армия встала на сторону народа и местного муниципалитета.

Каковы были общий характер и основная суть солдатских выступлений? Было ли это простое недовольство условиями жизни и быта или что-либо более серьезное? То, что тяжелые экономические условия, жестокое обращение и издевательства со стороны офицеров являлись основными причинами недовольства и неподчинения солдат, не вызывает сомнения. Но вместе с этими материально-бытовыми и моральными факторами волнение солдат были обусловлены и более глубокими причинами. Неподчинение солдат — это и явление социального порядка, яркий пример классово-войсковой борьбы. Солдаты становятся активными участниками политической жизни и вслед за тем сами превращаются в значительную социальную силу. Вступая в борьбу с офицерами, солдаты становятся на путь самостоятельной политической деятельности.

* * *

Знаменательно, что официальные круги не могли понять истинных причин недовольства солдат. Это подтверждают обнаруженные нами в ЦПА ИМЛ два интересных документа. Один излагает точку зрения королевской власти на создавшуюся в армии обстановку³¹, а другой —

²⁹ Королю был представлен доклад за подписью начальника Бельфорского гарнизона майора Гранстена (*Lettre au Roi (Louis XVI) et exposé de la conduite de M. le comte de la Tour et de Gremstein, colonel et major du régiment Royal Liégeois... sur les événements qui ont eu lieu à Belfort, le 21 octobre 1790 sont tous deux expatriés.* S. I., 1790). Дело в Бельфоре описано также Л. Гартманом, но он не использовал доклад Мюге (*Hartmann L. Les officiers de l'armée royale et la Révolution.* P., 1910, p. 173—178).

³⁰ Rapport fait à l'Assemblée nationale, p. 12—13.

³¹ Центр. парт. арх. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 318, д. 172. (Далее: ЦПА ИМЛ).

Декларация Национального собрания — показывает отношение собрания к событиям в армии³².

Первый документ составлен по приказу короля военным министром Латур дю Пеном и переслан 6 августа 1790 г. военному комитету Учредительного собрания. Из документа следует, что официальная власть считает основной причиной, вызывающей неподчинение в армии, ослабление дисциплины и предлагает внедрять новые порядки в условиях сохранения строгой дисциплины. Вместе с тем в документе указывалось, что само собрание дало армии чрезмерную свободу действий, что оказалось вредным для интересов Франции: в полках развилось своеволие, которое породило новые беспорядки. «У лучшего из монархов сердце болит при известиях об этих пагубных беспорядках», — пишет в заключение проникнутый верноподданническим духом министр-аристократ³³.

В первую очередь жалуется на незаконно созданные почти во всех полках комитеты, в которые вместе с солдатами входили и унтер-офицеры. Здесь же подчеркивается, что беспорядки в политике, в финансах и полицейской службе сеют иностранцы. В эту подрывную деятельность они втягивают и солдат. Министр считает, что неповиновение солдат королевского Шампанского полка, отказавшихся признать назначенных королевских офицеров, было следствием агитации иностранцев³⁴.

Одной из причин дезорганизации армии министр считает данное солдатам новым правительством право представлять петиции, просьбы и доклады. «Его величество недоволено тем, что его кабинет полон солдатскими депутатами, — пишет министр, — которые настойчиво добиваются удовлетворения требований тех, кто им дал полномочия»³⁵.

Вначале, по словам Латур дю Пена, король был сравнительно спокоен, так как нарушения дисциплины отмечались лишь в отдельных частях и не распространились еще на всю армию. Король надеялся, что в результате вмешательства офицеров, администрации, а особенно Национального собрания дисциплина восстановится, но происходит обратное: неподчинение растет и принимает всеобщий характер. Король требует незамедлительно покончить с подобным своеволием солдат, он призывает «представителей французской нации срочно положить конец подобным мятежам». «Потом будет поздно, у нас не хватит сил, — говорилось в документе, — остановить солдатские волнения». Здесь же напоминает о том, к чему привело неподчинение солдат Римской империи³⁶.

Министр от имени короля развивал идею, что армия должна быть аполитичной, не солидаризироваться с общественным мнением, а оставаться слепым орудием исполнительной власти. «Без такой покорности мы будем иметь опасную, ни к чему не пригодную силу», — писал министр³⁷.

Наиболее грубым проявлением неподчинения и недисциплинированности министр считал солдатские претензии.

Действительно, общий хаос, беззаконие и стяжательство, царившие в сфере финансов при «старом порядке», были характерны и для армии. Офицеры присваивали предназначенные для армии деньги, полковые кассы расхищались, а полуголодные солдаты месяцами ждали жалованья. Сторонники революционных преобразований, борясь с этой болезнью «старого порядка», выявляли и предавали гласности факты казнокрадства офицеров, особенно в 1790 г., когда начали публиковать так называемые «красные книги», где были раскрыты финансовые преступления королевских чиновников. Во время волнений в армии одной из главных задач комитетов солдат и унтер-офицеров являлось установление контроля над полковыми кассами. Солдаты делали это со всей строгостью.

Это и не нравилось королевской власти, усматривавшей в действиях солдат своеволие и беззаконие. В документе утверждалось, что данный

³² Declaration de l'Assemblée nationale, 1791.— Там же, д. 34.

³³ Там же, д. 172, л. 1.

³⁴ Там же, л. 2, 3.

³⁵ Там же, л. 4.

³⁶ Там же, л. 5.

³⁷ Там же, л. 6.

вопрос должен регулироваться на основе закона и права командованием и высшей администрацией, а вовсе не «нерегулярными ассамблеями» (комитетами солдат и унтер-офицеров). По словам министра, король удивлен, как солдаты дошли до такой жадности, что осмеливаются нарушать воинскую присягу. Король возмущен тем, что недовольные солдаты самовольно захватывают бухгалтерские реестры, присваивают себе право производить финансовые операции и допускают другие беззакония. Офицеры вынуждены удовлетворять «незаконные» претензии солдат за свой счет. Королевская власть считает, что упорядочением армейских финансов должно заниматься государство. Ведь военные кассы являются государственным имуществом, и посягательство на них следует рассматривать как казнокрадство, как разбой, как «массовое расточительство денег»³⁸. В действительности, как мы видели, солдаты защищали полковые кассы от посягательства офицеров, которые и были «массовыми расточителями денег». Королевской власти не понравилось и чрезмерное внимание, оказанное солдатам в дни праздника Федерации. «Это прибавит наглости солдатам, сделает их „хапугами“, казной начнет распорядиться армия, а это может породить полную анархию»³⁹.

По мнению властей, для спасения отечества и трона нужно незамедлительно разработать строгий военный кодекс. Наведение порядка в армии и ее переустройство — гораздо более неотложная задача, чем урегулирование гражданских дел. Если в армии удастся установить порядок, то даже те, кто сейчас пытается действовать на нее разлагающе, будут испытывать перед ней трепет. «Если забыть о необходимости строгой дисциплины в армии, то в конечном счете все вокруг будет уничтожено», — заключал министр⁴⁰. И все же королевская власть до конца не понимала меру опасности и надеялась умиротворить армию с помощью оставшихся верными трону воинских частей⁴¹.

В истинных причинах недовольства армии не смогла разобраться и большая часть правых Национального собрания⁴². Главными подстрекателями и дезорганизаторами армии они считали лиц, «советующих солдатам изменить новой присяге, которую они принесли на верность закону, нации и королю». Они пытались убедить солдат, что само Национальное собрание требует соблюдения армейской субординации, что ее несоблюдение — это попрание закона, что субординация представляет собой основу армии. Собрание с сожалением и гневом встретило имевшие место в армии случаи нарушения субординации, которые выразились в увольнении офицеров из воинских частей. Эти беспорядки затрудняли, с точки зрения правых депутатов, нормальную работу ассамблеи и мешали ей решить судьбу армии на фоне общего обновления. Собрание стремилось убедить воинов-граждан в том, что оно достаточно авторитетно и способно решить проблемы армии, а также предостерегало солдат против антигосударственных элементов, действия которых противоречили присяге и чести, принципам и желаниям нации⁴³.

Собрание взывало к патриотическим чувствам солдат и выражало надежду, что армия поймет свои «ошибки» и вернется к исполнению своих обязанностей.

Собрание постановило, что его представители во главе с председателем должны явиться к главе вооруженных сил, т. е. к королю, с просьбой срочно и как можно более эффективно восстановить порядок и дисциплину в армии, строго наказать всех, кто не подчиняется законам⁴⁴.

Собрание объявляло, что все военнослужащие, не подчиняющиеся за-

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, л. 7.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, л. 8.

⁴² Ниже автор переходит к рассмотрению второго из указанных документов, хранящихся в ЦПА ИМЛ, о которых шла речь на с. 133—134. — *Ред.*

⁴³ ЦПА ИМЛ, д. 34, л. 1.

⁴⁴ Там же, л. 2.

конам и своим командирам, будут считаться изменниками. Офицерам поручалось добиваться установления порядка ⁴⁵.

Таким образом, возможность преодоления противоречий между солдатами и офицерами собрание представляло себе упрощенно. Последующие этапы развития революции вновь демонстрировали антиобщественные настроения офицеров-аристократов. Поэтому одним из главнейших условий становления новой, революционной армии стало изгнание старого офицества.

Знаменательно, что в официальных документах, опубликованных собранием, также обнаруживается неправильное понимание армейских волнений. Так, например, в декрете от 6 августа 1790 г. о восстановлении дисциплины в армии отмечалось, что недовольство в войсках вызвано прежде всего «заблуждениями» и «инсинуациями врагов общественного блага». Восстановить дисциплину в армии собрание надеялось простым пресечением растрат, присвоения и хищения солдатских денег посредством установления строгого контроля над кассами ⁴⁶.

В действительности главной причиной разложения армии являлась ее социальная поляризация. Армия «старого порядка» была сословной: солдаты главным образом были выходцами из народа, а офицеры почти полностью — из дворян. Солдат и офицеров разделяла социальная стена. Непримируемые, возрастающие классовые противоречия между дворянами и третьим сословием проявляли себя и в армии. Унтер-офицерский корпус тоже был укомплектован из непривилегированных сословий. Звание унтер-офицера было высшей ступенью служебной карьеры солдата, люди плебейского происхождения не могли даже мечтать об офицерских эполе-тах. Историк Г. Дельбрюк писал: «...пополнение офицерского корпуса из обособленной касты создало и закрепило между ним и солдатской массой пропасть, делившую армию на две принципиально различные составные части» ⁴⁷. Для офицера солдат был тем же, что для дворянина — крестьянин.

В армии существовало и еще одно социальное противоречие — между малочисленной буржуазной частью офицества и многочисленным дворянским командным составом. Офицеры — выходцы из буржуазии возглавили (вместе с унтер-офицерами) борьбу против реакционного офицества. Не случайно, что солдаты выступали не против всего офицества, а лишь против его дворянской части ⁴⁸. Таким образом, в революционной борьбе внутри армии действовали два социальных лагеря: своеобразный социальный блок солдат, унтер-офицеров и офицеров буржуазного происхождения, который противостоял дворянской корпорации, сохранившейся от старой армии, иными словами, вообще дворянству и феодально-абсолютистскому строю.

Социальную сущность солдатских волнений в достаточной мере определил М. Робеспьер в своей статье «О необходимости и сути военной дисциплины» ⁴⁹. Он дал убедительный анализ социальной природы неподчинения солдат. «С тех пор как началась революция, — писал он, — вы не перестанно слышите, что солдат обвиняют в недисциплинированности. Но разберитесь, пожалуйста, какой из двух видов дисциплины они нарушали. Ту ли, которая заключается в точном исполнении военных функций? Нет, никогда нашу армию не упрекали в их неисполнении. Больше того, было отмечено с законным восхищением, что воинские части, имевшие расхождения со своими начальниками по гражданским вопросам, с благородной

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Булатов С. Указ. соч., с 273; Décret concernant le rétablissement de la discipline dans les corps des troupes réglées — In: Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements et avis du Conseil d'état de 1788 à 1828/Ed. J.-B. Duvergier. T. 1—7. P., 1788—1828, t 1, p. 319—320

⁴⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938, т. 4, с 204.

⁴⁸ Этому вопросу автор уделит специальное внимание во второй главе своей монографии. — *Примеч переаодчика.*

⁴⁹ Défenseur de la Constitution, 1792, 25 mai, N 2.

гордостью опровергали их клевету скрупулезно точным исполнением всех их заданий»⁵⁰. «Их первое преступление против этой дисциплины, — пишет далее М. Робеспьер, — состояло в благородном отказе служить делу наших бывших тиранов против нации и обогреть свои руки кровью народа и его первых представителей...»⁵¹ Солдат считали виновными в том, что они присоединились к революции и народу, что они «разделили радость народа», участвовали вместе с ним в народно-патриотических праздниках, а от них требовали отхода от народа, отказа от свободы, добытой своими же руками. «Таковыми были действительные причины споров между солдатами и офицерами, — отмечает М. Робеспьер. — Вся эта великая тяжба между теми и другими было не что иное, как война деспотизма и аристократии против народа и рождающейся свободы»⁵². Он выражал свое возмущение тем, что солдат, верных дисциплине и отечеству, считают бунтовщиками, а офицеров-бунтовщиков, нарушавших присягу, оправдывают и почитают.

М. Робеспьер был убежден, что, если бы во главе солдат стояли верные офицеры, они стали бы еще лучшими патриотами и борцами, и возмущался тем, что «испытанный и верный»⁵³ патриотизм французских солдат рассматривается как преступление, а офицеров-контрреволюционеров никто не наказывает, что солдата считают преступником только потому, что он «одновременно солдат и патриот, что он не является слепым автоматом, приспособленным для истребления народа и подавления свободы по сигналу тиранов»⁵⁴. «Но разве для поднятия доверия солдат достаточно порицать их недоверие? Нет, надо устранить законные причины этого недоверия. Разве вы можете заставить их забыть, что революция была направлена против дворянства, а между тем ими командует дворянство? Можете ли вы стереть из их памяти все вероломство двора и врагов конституции?» — спрашивает М. Робеспьер⁵⁵.

Глубокий анализ настроений, царивших в армии, был дан в газете Прюдома «Парижские революции». Исполнительная власть, говорилось в ней, должна понять, что во Франции существуют две партии — партия третьего сословия и партия бывших привилегированных. Так же разделена и армия: солдаты относятся к третьему сословию, а офицеры — к дворянству. Следует ли удивляться тому, что революционное настроение, охватившее всю страну, выявилось и в армии? Солдаты видят в дворянах аристократов, а офицеры считают солдат революционерами; противоречия между ними обязательно вызовут взрыв... Революция — это изменение, которое уничтожает все прежние права и формы. Солдаты ведут себя весьма достойно, когда во время всеобщего революционного подъема еще терпят во главе армии графов, маркизов, герцогов и рыцарей, которые давно высказывают желание «омыться в крови французской черни», дабы сохранить свои особые привилегии и офицерские чины. Солдаты терпят все это лишь потому, что не хотят причинить государству зло⁵⁶.

Примечательно, что правильную оценку происходящему давали и некоторые деятели «старого порядка». Крайний монархист маркиз де Буйе вынужден был признать: «Армия королей Франции, находящаяся под командой дворян, не могла остаться армией той конституции, которая уничтожила дворянство»⁵⁷.

Весьма любопытный анализ солдатских волнений дан в малоизвестной книжке анонимного автора, изданной во время революции⁵⁸. В ней гово-

⁵⁰ Робеспьер М. Избр. произведения: В 3-х т. М., 1965, т. 1, с. 263.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, с. 264.

⁵³ Там же, с. 255.

⁵⁴ Там же, с. 254.

⁵⁵ Там же, с. 252.

⁵⁶ Révolutions de Paris, 1790, N 58. Цит. по: Буквоецкая М. Указ. соч. с. 102.

⁵⁷ Mémoires de M. de Bouillé sur la Révolution française. P., 1801, t. 1, p. 131. Цит. по: Буквоецкая М. Указ. соч., с. 103.

⁵⁸ Aperçu rapide de la position de la France à l'époque de la prétendue coalition des souverains de l'Europe contre sa constitution, 26 août 1791. S. I., s. a.

рится, что созыв Генеральных штатов был единственным средством выйти из тяжелого экономического кризиса, являвшегося следствием безалаберности правящих кругов при «старом порядке». Абсолютное большинство французского населения, 24-миллионная «коммуна» (третье сословие. — *Г. К.*), владеет во Франции половиной недвижимого и тремя четвертями движимого имущества. Господствующие сословия — духовенство и дворянство — составляют незначительное меньшинство нации и строят свое благополучие на грабеже «коммуны». Отсюда и вытекала необходимость содержать армию «старого порядка» в слепом повиновении: законом политической жизни той эпохи являлось то, что армия должна подчиняться меньшинству, которое угнетает и грабит большинство, заставляя плясать его под свою дудку. «Так неужто должны солдаты, будучи родными сынами третьего сословия, стать орудием угнетения своих братьев?» — восклицает автор.

Философия XVIII в., по словам анонимного автора, развила великую идею равенства всех перед законом. Разница в социальном положении должна служить лишь благо общества, а не его угнетению. Эта разница должна зависеть только от заслуг и талантов, она не может стать наследственным правом, за исключением наследственного «королевского достоинства» (как и подавляющее большинство французов до Вареннского кризиса, автор был монархистом. — *Г. К.*). Автор предсказывал, что ожидается вражеское нашествие: феодальная Европа, объединившись с французской реакцией, будет мстить за революцию. Выход один — король должен принять конституцию, признать революционные преобразования, исправить свои ошибки, выражающиеся в непонимании чаяний народа. Этим самым он покончит с произволом абсолютистского правления и станет управлять законно, т. е. установится конституционная монархия; все это будет означать крушение старого и создание нового порядка. Принятие конституции королем будет способствовать восстановлению законности и порядка в армии. Как видим, автор высказывал вполне правильную мысль: волнения в армии не узкокорпоративное явление, а факт, связанный с общереволюционным движением. С победоносным окончанием революции (т. е. с принятием конституции. — *Г. К.*), по мнению анонимного автора, прекратятся волнения и в армии. Победа революции будет победой армии. Приняв конституцию, король завоюет доверие армии и народа. Раздраженное переустройством государства дворянство может перейти на сторону врага, и Франция потеряет много офицеров, но их боеспособность все равно низкая, так как «что может сделать отчужденная, предавшая свой народ сила?». Итак, по мнению автора, нужды армии вполне совместимы с общереволюционными требованиями.

Офицерский корпус «старого порядка» являлся продуктом феодальной социальной системы, что признавала и значительная часть современников. И не случайно, что многие считали необходимой ликвидацию корпорации старого офицерства, так тесно связанной со всей феодальной системой. Так, например, капитан шевалье де Дес из Дюнкерка в своей докладной записке от 17 октября 1789 г., представленной Национальному собранию, требовал: «Длинный список высшего офицерства, который составлен несправедливо, должен быть сожжен в том же костре, где были преданы огню феодальные титулы»⁵⁹.

«Армия не может оставаться в повиновении у дворян, — читаем в письме другого офицера, артиллерийского капитана Галье, от 30 августа 1790 г., посланном в Национальное собрание, — в таком случае солдат не будет служить нации, а опять останется жертвой аристократии и деспотизма»⁶⁰.

Итак, хотя недовольство солдат в значительной мере было обусловлено невыносимыми житейскими и экономическими условиями и солдаты боролись прежде всего за прибавку жалованья, против казнокрадства офице-

⁵⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 318, д. 154.

⁶⁰ Там же, д. 591.

ров, за выплату многолетней задолженности, за уважение их человеческого достоинства, за изменение казарменного режима, за искоренение прусской палочной дисциплины и т. д., это движение вместе с тем по сути носило социальный характер: солдаты-крестьяне боролись против офицеров-аристократов и дворян.

А. Дживелегов. Армия Великой французской революции и ее вожди

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/jvelg_army.pdf

М. Буковецкая. Борьба якобинцев за создание революционной армии Франции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_bukov.pdf

Э. Ференбах. Идеологизация войны и радикализация Французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/arm_fehrenbach.pdf

А. Собуль. О миссии Сен-Жюста в Рейнскую армию (брюмер II года Республики)

http://vive-liberta.narod.ru/doc/sj_soubul_doc.pdf

Е. Коровин. Французская буржуазная революция 1789 года и законы и обычаи войны

http://vive-liberta.narod.ru/journal/lois_guerr.pdf

М. Рейнар. О революционной роли армии

в период французской революции 1789 г. - в работе